

Улиточка

*Мне поведал старик-бедолага,
Как тропа превращается в путь.
(В. Д.)*

Время на кухне событий заварит кашу,
плотную: ложку воткнёшь – и застынет ложка...
Прячься, улиточка, в домик: снаружи страшно.
Ты ведь не веришь, что всё это понарошку?
Выкрикнешь «чур меня» - и сокрыта чуром!
Домик всегда с тобой, как вторая кожа...
Правда, реальность грозит обернуться чудом,
если ты домик покинешь и уничтожишь...
Ложку, другую, третью... Почуешь, кто ты,
если отдашь за это свои полцарства!
Знаешь ли ты, как путями становятся тропы?
Просто учись терять – и тогда воздастся...

Не навсегда

Она верит:

Летать – это очень просто, главное – окрылиться.
Какое дело пространству, что ты не птица?
Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
дерзкое, бесшабашное!?
Над замыслом покумекав,
мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:
Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...
И мы парим – над розовыми церквями,
зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:
Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник – в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует
летящего
человека...

Она плачет:
Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!!
Да, говорит Марк. Если не навсегда...

Ты сочинишь...

...и вот однажды, чувствуя: не нужен
твой бред словесный и напев лиричный,
ты вылезашь – из калоши, лужи,
ты запираешь честным словом душу
и варишь крепкий кофе по привычке.
И долго им пытаешься согреться
(как будто можно внутреннее – внешним)...
О запертую душу бьётся сердце,
но ты умеешь рогом упереться,

не уступая слабостям сердешным.
И в час, когда с церковных колоколен
взлетают в небо ангелы и птицы,
и каждый звук – пронзительно бемолен,
и каждый сон – рассветом обездолен,
и падая – нельзя остановиться,
ты сочинишь распахнутые окна,
перешагнёшь запретную границу...
Душа взметнётся, обречённо охнув,
мелькнёт стены обветренная охра,
и Бог черкнёт в блокнотике: "Не птица..."

без времени

Ребёнок живёт без времени, прост и дик,
и мог бы поспорить с Вечностью – захоти он...
Так иностранец, осваивая язык,
обычно начинает с инфинитивов.
Так в каждом сне – безвременье, "здесь, сейчас,
всегда": и каждый ключ открывает Двери...
А явь, в бесплотное плотным своим сочась,
обычно начинается с недоверий
и с измерений: сколько, мол, быт и я,
соединившись, выдюжим в мире этом,
в котором время – длительность бытия,
а всё, что ЗА, как водится, под запретом?
И оттого – безвыходность, неуют,
игра вслепую: мы для судьбы – гомеры...

И ты, который не верил, что Там – живут,
теперь ты Там, без времени и без меры...

Причащённые осени...

Никаких претензий, Господи, что ты, что ты!
Ну, надежды разве что да фантазии.
Садись, не побрезгуй: у меня тут хлебушек, водка, шпроты.

И картошка. Правда, сырая. На балконе, в тазике.
Да не пью я, Господи, бог с тобою!
(ой потешно вышло, словно ты сам на сам, Господи)...
Я вот стопочку, под хлебушек – и закрою!
И не стану ныть: у тебя и так проблем с нами воз, поди!
Ох и сложные мы: всё у тебя что-то просим, просим.
Ты нам – нате, держите, мол, – яркие листья, небо эмалевое!..
Ты, поди, всё лето придумывал эту осень –
А мы опять у тебя лето вымаливаем...

А Бог знает, что кому-то нужны его вечера, расплывчато-акварелевые,
кому-то дороги утра, пряные, терпкие, словно чай анисовый.
И лишь порой, отчаявшись, Он в свой мир холодами выстреливает,
и к ногам причащённых снисходит, снисходит листьями...

Двум «империям» горожанка

Витебску, городу детства...

Золотистый рассвет пропах
ежедневным моим эспрессо...
Разгорается птичья месса.
Зреет солнце на куполах.

Старых улиц седую пыль
приминая с утра неспешно
и - по-бабушкиному "пешью" -
прохожу сквозь чужую бль...

Белой краской по кирпичам
(скрыть штрихи черновые дома)

мазал Витебск свои хоромы:
так запомнил его Шагал...

Я за ним, через сотню лет,
светлой тенью (и той не жалко!):
двум "империям" – горожанка,
чуть художница, чуть поэт...